

ИРИНА ПОПОВА,

доктор философских наук, профессор кафедры социологии Института социальных наук Одесского государственного университета

Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации

К постановке проблемы

Abstract

“Legitimation” and “legitimacy” are the notions widely used to characterize the processes taking place in the post-Soviet space. However, to understand all the complexity and depth of legitimacy and its adjacent phenomena one has to go beyond the limits of pure politology and political sociology and enter the sphere of basic sociological notions, such as socialization, personal identification, the system of values, interests and ideological foundations. A sociological investigation of legitimacy and legitimation presumes analyzing a wide range of social, ideological and political contexts of practical activity stipulated by the interests of both population and ruling elite.

Понятия “легитимация” и “легитимность” в последнее время широко используются для характеристики процессов, происходящих на постсоветском пространстве, точнее, для понимания того, что происходит в политической сфере постсоветских обществ. Однако вся сложность и глубина анализа легитимности и связанных с ней явлений ускользают от исследователя, если анализ не выходит за пределы политологии или ограничивается рамками политической социологии, относящейся к социологии отраслевой. Проблемы легитимности и легитимации непосредственно входят в круг общесоциологических представлений. Основание этих проблем следует искать на пересечении основополагающих социологических концепций

“социальности”, социализации, идеологии и личностной идентификации, ценностных ориентаций и интересов. При этом оказывается, что те представления, которые вроде бы “на слуху” и реверансы в сторону которых постоянно делаются в литературе, не вполне освоены применительно к анализу легитимности. Речь прежде всего идет о понимании легитимности М.Вебером, содержащем в себе гораздо большие возможности *социологического анализа* легитимности и легитимации, чем те, которые обычно реализуются.

В социологической литературе обращается внимание на ту опасность, с которой может столкнуться исследователь, принимающий веберовские построения и вообще использующий “европейскую терминологию” для изучения советской и постсоветской действительности. На это обстоятельство указывает, например, П.Кутуев, посвятивший свою весьма интересную статью анализу социологии М.Вебера и считающий, что обращение к последней объясняется ее “созвучностью нашим сегодняшним проблемам”. Однако концепты, используемые М.Вебером, как утверждает П.Кутуев, лишь “на первый взгляд являются как нельзя более актуальными и практически значимыми для политически злободневно ориентированного дискурса наших обществоведов” [1, с. 137]. Совершенно справедливо указывая в связи с этим на необходимость уяснения смысла используемых понятий и на то, что веберовские идеи представляют собой не более чем “аналитическую реконструкцию, которую необходимо отличать от структуры эмпирической реальности,” сам П.Кутуев все же “осмеливается”, как он пишет, “высказать обобщенную оценку ситуации, сложившейся в нашей стране, используя веберовскую методологию” [1, с. 147]. Думаю, что веберовскую методологию следует использовать и для обоснования необходимости более широкого подхода к изучению легитимности и легитимации в условиях постсоветского реформирования. Обоснованию этого положения, а также характеристике данного (“широкого”) подхода главным образом и посвящена эта статья.

Начну с неправомерности отождествления “легитимности” и “легальности”, все еще встречающегося в нашей литературе. Так, например, санкционированные и несанкционированные митинги и демонстрации разграничивают как легитимные и нелегитимные формы протеста [2, с. 92]. На самом деле активный протест (независимо от того, является ли он официально санкционированным или нет) может быть вполне легитимным, явно или неявно (“внутренне”) одобряемым населением. Характерное для отечественной литературы отождествление легальности и легитимности, возможно, связано с трудностями перевода термина “легитимность”. Такие соображения высказывает, например, сотрудник Русского исследовательского центра Гарвардского университета США С.Солник, проводивший в 80-х годах исследование взаимоотношения поколений в СССР. “В советских словарях, — пишет он, — перевод понятия “легитимность” (legitimacy) связан с пониманием легитимности как последствия соблюдения законов. “Законность” как синоним “легитимности” в ее западном варианте, — по мнению С.Солника, — обладает другой коннотацией для политологов, работающих в традициях Макса Вебера..” [3, с. 60].

Разумеется, использование того или иного термина — процедура в определенном отношении условная. Важно, чтобы смысл используемого понятия оговаривался и чтобы оно (понятие) “работало”, способствовало

фиксированию и анализу исследуемых сторон действительности. Для социолога же особенно важно учитывать многообразные общественные факторы, определяющие исследуемое явление. В случае же отождествления понятий “легальности” и “легитимности” смысл последнего понятия обедняется, что ограничивает возможности описания и анализа многообразных аспектов функционирования различных общественных институтов, и в частности института политической власти. Для того, чтобы разобраться в этом, целесообразно обратиться к истории возникновения данного понятия, а также выяснить, в каких смыслах оно, как правило, употреблялось в западной литературе (откуда пришло в советскую и постсоветскую социологию и политологию).

Понятия “легитимность”, “легитимный порядок” были введены в социологический оборот Максом Вебером и выступали как инструмент описания и анализа власти (господства), характеризуемой с точки зрения ее *престижа, оправдания, признания*. Легитимность — характеристика одного из типов господства, который М.Вебер именуется авторитетом (authority). Считая господство в наиболее общем смысле синонимом власти и определяя его как “возможность навязывания (imposing) кем-либо собственной воли другим лицам в их поведении”, Вебер выделяет две диаметрально противоположные формы господства: а) “господство посредством констелляции интересов (например, монопольной позиции на рынке)” и б) “господство посредством авторитета, то есть власти командовать и обязывать к подчинению” [4, с. 25].

Рассматривая в своем основополагающем труде “Хозяйство и общество”¹ связь форм господства с формами экономической организации, М.Вебер выносит проблему легитимности не только за пределы первой формы господства (характерной для рыночных отношений формально свободных индивидов), но и за пределы “непосредственной демократии”, а также власти “нотаблей” — знати, осуществляющей господство посредством монополии на почет и уважение (by *honoratiore*s). Последняя форма господства, как и власть монарха, не нуждается в оправдании, ибо базируется на мифе “естественного” превосходства (по крови, высшим качествам и т.п.). Точно так же нет необходимости в существовании особого механизма оправдания в условиях непосредственно-демократического управления (“непосредственной демократии”), специфика которого определяется “законом небольших чисел”. Такая проблема (наличие особого механизма оправдания) возникает в сложных организационных структурах, где, с одной стороны, относительно небольшая группа, осуществляющая властные функции, уполномочивается управлять большими массами людей, а с другой стороны, “классовая ситуация становится недвусмысленно и открыто наблюдаемой

¹ Анализ веберовского понимания легитимности попытаемся осуществить на основании двух текстов, представляющих собой извлечения из данной работы. Первый текст, содержащийся в англоязычном сборнике, посвященном германской социологии, назван “Господство и легитимность”. Второй представляет собой статью, помещенную в сборнике избранных произведений М.Вебера под названием “Основные социологические понятия”, подразделы которой (“Понятие легитимного порядка” и “Типы легитимного порядка: условность и право”) дают представление о веберовском понимании легитимности.

для всех, как фактор, определяющий индивидуальную судьбу каждого..” [4, с. 36]. В этих условиях, по мнению М.Вебера, возникает острейшая потребность властных сил в самооправдании и в согласовании своих целей с ориентациями людей, выступающих объектом подчинения.

Это согласование, необходимость в котором в других социально-организационных условиях отсутствовала, и составляет суть легитимации, обеспечивающей надежность господства и осуществления власти в условиях сложных организационных структур. Не случайно в современной западной социологии проблему легитимности квалифицируют как проблему “представительства и согласия”. “Проблема политической легитимности, — как отмечается в одном из западных социологических словарей, — возникает с исчезновением непосредственных политических отношений, присущих небольшим обществам, то есть сегодня она заключается в том, кто имеет законное право действовать в качестве представителей политической власти. Таким образом, легитимность связана с природой политического лидерства” [5, с. 152].

Однако понятие “легитимность” трактуется неоднозначно, и эта неоднозначность определяется, в частности, различием закона и морали. Законная, то есть соответствующая нормам права власть может быть нелегитимной (испытывающей “дефицит” легитимации), если ее действия выходят за пределы общественного согласия. Сложное взаимоотношение между законностью и легитимностью — проблема, активно обсуждаемая в современной политической социологии и обусловленная в значительной степени неоднозначностью трактовки самой легитимности. Предпосылки данной неоднозначности содержатся в веберовском понимании легитимности, которая в одних случаях включает легальность как ее (легитимности) частный случай, а иногда трактуется как характеристика власти, отличная от легальности.

Сам термин “легитимность”, происходящий от латинского *legitimus*, означает буквально *согласный с законом, правоммерный, должный, правильный*. Социологический же смысл данного термина, введенный М.Вебером, обусловлен, как считает российский социолог Ю.Давыдов, необходимостью отличать легальную власть, характеризующуюся соответствием формальным законам, юридическим нормам права, от той, которая фактически значима для людей, что и проявляется в их поведении [6, с. 156]. Соответствие формальным законам М.Вебер также называет легитимностью, но легитимностью “нормативной”, оговаривая, что речь идет фактически о легитимности норм, а не легитимности личностей, представляющих власть. “Нормативную легитимность” Вебер отличает от “легитимности эмпирической”, которая характеризует фактическую значимость установленного порядка для людей и проявляется в их поведении. Значимость порядка, выраженная в ориентациях людей, определяется их представлениями о легитимности порядка. “Поведение, особенно социальное поведение, — пишет Вебер, — а также социальные отношения могут быть ориентированы индивидами на их *представление* о существовании *легитимного порядка*. Возможность такой ориентации мы будем называть “значимостью” данного порядка” [7, с. 636]. Если это представление (о легитимности порядка) отсутствует и порядок лишен значимости, то следовательно он лишен легитимности. Таким пониманием легитимности объясняется то обстоятельство, что “современные теории легитимности часто являются субъективист-

скими в определении легитимной власти как *представляемой* людьми в качестве легитимной” [5, с. 153].

Легальная власть, по мнению М.Вебера, может быть легитимной, но может и не быть таковой. При этом легитимность не обязательно означает следование формальным правилам и установленным нормам. Даже в том случае, когда закон “обходят” или норму нарушают, они могут быть значимы для поведения, о чем свидетельствует, например, стремление нарушителя скрыть свой поступок. В данном случае он руководствуется целерациональными мотивами, но исходит из признания обязательности норм, то есть их легитимности. Иллюстрируя данное положение, М.Вебер пишет: “Вор, например, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права. Он *вынужден* скрывать его именно потому, что в определенной среде порядок сохраняет свою “значимость” [7, с. 636–638]. Такого рода вынужденность, несомненно, отличается от обусловленной прямым насилием и предполагает наличие выбора, осуществляемого в соответствии с целерациональными ориентациями, однако об *одобрении, признании, престиже* в данном случае можно говорить лишь весьма условно. Вебер указывает также на возможность функционирования одновременно противоположных систем норм (в частности норм права и морали), каждая из которых будет значимой (а следовательно, легитимной) “...в той мере, в какой существует *вероятность* того, что поведение будет действительно ориентировано на нее” [7, с. 638]. Как видим, возможно различное понимание “значимости” и характера ориентаций и, соответственно, есть разные поводы для того или иного толкования легитимности либо степени ее выраженности. Замечу также, что несанкционированные демонстрации, которые представляют собой открытое неподчинение соответствующим правовым нормам, свидетельствуют о нелегитимности этих норм. Нелегальные — противоречащие правовым нормам — выступления, будучи морально санкционируемыми, являются вполне легитимными, как легитимны и те моральные нормы, на которые поведение людей в данном случае ориентировано. Во всяком случае квалификация тех или иных акций как легитимных либо нелегитимных требует тщательного анализа и обширной информации.

Некоторая неопределенность заложена также в понимании М.Вебером гарантий легитимности. По его мнению, легитимность порядка может быть гарантирована *внутренне* и *внешне*. К *внутренним* гарантиям легитимности порядка М.Вебер относит: а) чисто аффективно-эмоциональную преданность, б) веру в абсолютную значимость порядка в качестве высочайшей непреложной ценности, носящей ценностно-рациональный характер, в) равнозначное религиозной вере убеждение в зависимости блага и спасения от сохранения данного порядка. *Внешние* гарантии — это нормы поведения и санкции, на которые люди ориентируются. Такие гарантии могут быть *условными* и *правовыми*. Условные гарантии, не предполагающие использования особых групп принуждения (характерных для правовых гарантий), вызывают поведение, которое является “добровольным” лишь в весьма условном смысле. “При нарушении условности (например, “профессиональной этики”), — пишет Вебер, — социальный бойкот со стороны людей одной профессии часто оказывается значительно более действенной и ощутимой карой, чем наказание, назначенное судебным приговором” [7, с. 640]. И в том и в другом случае легитимность порядка обусловлена “ожиданием специ-

фических внешних последствий” и, как можно предположить, определяется целерациональными мотивами. При этом Вебер считает, что порядок, основанный на целерациональных мотивах, как и тот, который основан на обычаях и привычках, менее устойчив, чем “порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения, то есть чем порядок, обладающий “легитимностью” [7, с. 637]. Такого рода высказывания дают повод для сужения понятия легитимности, отнесения к *собственно легитимному* только такого порядка, который *предполагает наличие внутренних гарантий*. М.Вебер считает также, что внешне гарантированные системы могут быть гарантированы и внутренне. Последние (внутренне гарантированные системы) связываются Вебером с этическими критериями. “Этическим” социология считает тот критерий, — пишет Вебер, — для которого специфическая ценностно-рациональная *вера* людей служит нормой человеческого поведения” [7, с. 647]. Этические нормативные представления могут оказывать сильное воздействие на поведение людей без каких-либо внешних гарантий. Не случайно при анализе социологами тех или иных ситуаций именно эти представления рассматриваются как определяющий признак легитимности.

Как видим, существуют многочисленные нюансы, характеризующие легитимность, и для социолога, имеющего дело преимущественно с *эмпирической* легитимностью, проявляющейся в представлениях и поведении людей, каждый из этих нюансов характеризует определенное состояние общества, особенность функционирования того или иного политического режима. Соответственно, “разнотения” понятия легитимности носят не спекулятивный характер, а обусловлены сложностью самого явления и желанием учесть различные аспекты его изучения. Сошлемся в данном случае на один из прецедентов: использование понятия “легитимность” при исследовании конфликта “отцов и детей” — в позднесоветский период.

Сотрудник Русского исследовательского центра Гарвардского университета Стив Солник выражает свое несогласие с мнением других американских исследователей советской действительности, считающих, что система, которая стабильна и свободна от всех публично обсуждаемых “кризисов легитимности”, является “легитимной”. По мнению Солника, этот “больной” вопрос доставил немало хлопот и самому Веберу, который, подходя к проблеме легитимности с разных сторон, предполагал, “что массовая поддержка не означает автоматически легитимности и что аспекты ее [легитимности] все же имеет смысл обсуждать даже при полном отсутствии массовой поддержки” [3, с. 61]. В доказательство данного заключения приводится следующее положение М.Вебера из работы “Хозяйство и общество”: “Естественно, легитимность системы господства можно рассматривать как вероятность того, что ее до некоторой степени поддерживают и что этому соответствует ее практический курс. никоим образом неверно, что любая покорность власть имущим прежде всего (или вообще сколько-нибудь) вызывается такой верой. Отдельные личности или группы могут лицемерно притворяться лояльными из чисто оппортунистических целей или быть таковыми из соображений меркантильных. Люди также могут покориться из-за своей слабости и беспомощности, коль скоро этому нет приемлемой альтернативы. Но эти случаи не являются главными при классификации видов господства. Гораздо важнее тот факт, что в некоем данном

случае конкретное притязание на легитимность рассматривается как “действительное”, что этот факт подтверждает позицию лиц, претендующих на власть, и что он помогает сделать выбор средств для осуществления этой власти” [цит. по: 3, с. 61].

Представляет интерес интерпретация Солником данного положения М.Вебера, а также круг проблем, применительно к которым американский исследователь анализирует толкование легитимности. С учетом того, что Вебер ясно проводит *различие между мировоззренческой основой легитимности и официальными притязаниями на нее*, подчеркивается, что повиновение не обязательно означает легитимность. Ключевой момент в формулировке Вебера, как считает Солник, в отсутствии “приемлемой альтернативы”. Люди могут считать политический режим абсолютно нелегитимным, но будут подчиняться ему до тех пор, пока у них не появится иных путей, нежели простое подчинение власти. “Настоящий кризис легитимности, — пишет Солник, — требует альтернатив постоянному повиновению существующему порядку. Однако и при отсутствии таких альтернатив официальная формула легитимности может сыграть значительную роль при выборе политических средств, которыми режим станет себя поддерживать. Нам же следует быть осторожными и не считать, что средства, привносимые в политику этой формулой, действительно необходимы для поддержания легитимности” [3, с. 61].

В соответствии с таким пониманием легитимности характеризуется “позднесоветский” (брежневский) период, когда процветал цинизм и программы социализации требовали лишь ритуального подтверждения лояльности и отсутствия прямого вызова политическому режиму. Работы, посвященные анализу политической сферы советского общества данного периода, свидетельствуют о том, что легитимность системы фактически отсутствовала, а лицемерие и цинизм имели место в избытке даже у тех, кто клялся в верности режиму. Соответствующим образом оценивается и “демократическая” практика выборов в представительные властные структуры. Цель выборов в застойный период развития советского общества состояла не в легитимации политической системы, “а скорее в том, чтобы показать населению, что нелегитимность этой “недемократической” практики — нечто должное” [3, с. 61]. Решая проблему “отцов и детей” применительно к данным условиям, С.Солник задает следующие вопросы: а) можно ли назвать систему, порождающую цинизм, легитимной и б) когда невозможность пропитать духом режима комсомольских активистов породит “кризис легитимности”?

Приведенные выше рассуждения по поводу легитимности касаются также и взглядов на легитимность или на массовые вызовы легитимности, формирующиеся в самой элите. “Если цинизм и отчуждение могут породить кризис легитимности, — пишет Солник, — то это произойдет только тогда, когда сама элита признает кризис или когда появляется альтернатива статус-кво” [3, с. 62]. И действительно, мы были свидетелями того, как кризис легитимности стал явным именно тогда, когда бывшая советская элита нашла для себя такую альтернативу и, используя демагогию реформирования, способствовала обострению данного кризиса, с тем чтобы удержаться у власти.

При изучении легитимности следует учитывать также, в каком направлении развивалась концепция легитимности в послевоенный период развития социологии политики. Легитимность не только приписывается лишь одной из разновидностей власти, именуемой “авторитетом” (при которой “люди с готовностью подчиняются приказам”), но и трактуется, как уже отмечалось, *субъективистски* и, более того, связывается преимущественно с этическими критериями. Такое понимание легитимности выражает, например, Т.Парсонс. Назначение власти, по Парсонсу, состоит именно в том, чтобы коллективные цели достигались посредством согласия членов общества делегировать представителям власти (лидерам) права на принятие решений. Парсонс придает определяющее значение тем институциональным символическим формам власти, которые полностью зависят от доверия людей. Символическим, коммуникативным сторонам легитимности, а также выраженности в ней *признания и доверия* уделяет особое внимание немецко-американский политолог Ханна Арендт. Она вообще выносит насилие за пределы власти, по существу, отождествляя последнюю с легитимным авторитетом.

Ряд серьезных проблем, связанных с пониманием природы легитимности и легитимации, формулирует представитель Франкфуртской школы в социологии Юрген Хабермас в работах “Кризис легитимации” (1973), “Коммуникация и эволюция общества” (1979) и “Теория коммуникативного действия” (1981). Выражая несогласие с Х.Арендт, выносящей силу полностью за пределы власти, Хабермас в соответствии со сложившейся “субъективистской” практикой анализа проблем легитимности, трактуя легитимацию и “кризис легитимности”, ограничивает сферу исследования анализом символической коммуникации, ценностно-нормативной сферы общества. Американский историк социологии Джордж Ритцер, характеризуя позицию Ю.Хабермаса и указывая на то, что проблема легитимности, решаемая как проблема замены одних социальных норм другими, выступает у него как проблема идеологии, пишет следующее: “...многие считают, что Хабермас обрезал свои марксистские корни, перейдя с материального уровня на нормативный” [8, с. 153].

Аналогичным образом — как проблему идеологии — анализирует легитимность и другой представитель неомарксизма, американский социолог Чарльз Миллс. Он рассматривает проблему легитимности в связи с анализом процессов институционализации общественного мнения. Рассматривая общественное мнение как “демократическую легитимацию”, Миллс соотносит последнюю с легитимацией “доктринальной”, считая это отношение существенной характеристикой легитимности. Интеллектуалы и деятели искусства, по его мнению, принимают на себя функции доктринальной легитимации. В результате интеллектуальной работы создаются идеи, поддерживающие и оправдывающие власть, трансформирующие власть в легитимный авторитет. Так романтические поэты символизировали Французскую революцию для английской публики, Руссо легитимировал Французскую революцию, Милтон — режим Кромвеля, репортажи Джона Рида — раннюю фазу Большеизма, Маркс — в вульгаризированной форме — Русскую революцию [9, с. 612]. Эта мысль о легитимации как “встрече” специализированной идеологии с повседневными представлениями и значимости коммуникации (как способа трансляции и усвоения смыслов) для

легитимации так или иначе присутствует при характеристике легитимации современными исследователями.

Анализ процесса легитимации и возникающих в связи с ее исследованием проблем содержится у современных представителей социологии знания П.Бергера и Т.Лукмана. Этот анализ настолько глубок и разносторонен, что на нем следует остановиться подробнее. Для Бергера и Лукмана проблема легитимации также является проблемой формирования и функционирования идеологии. Однако основу рассуждений относительно легитимации в данном случае составляет содержательная концепция социализации и ее роли в институционализации и смене институтов общества. Особенность понимания легитимации Бергером и Лукманом состоит прежде всего в том, что они трактуют ее в более широком теоретическом контексте и выводят за пределы политической проблематики¹. Под легитимацией они понимают “объяснение” и оправдание институционального мира, считая при этом, что проблема легитимации возникает тогда, когда объективации институционального порядка нужно передать новому поколению. На первой стадии институционализации, которую Бергер и Лукман связывают с хабиитуализацией (опривычиванием), институт как устойчивый тип отношений — просто факт, не требующий подтверждения. В данных обстоятельствах непосредственные “творцы социальной реальности” — участники становления соответствующего институционального порядка — могут вернуться к исходному значению благодаря своей памяти. Новому же поколению знание исходного института передается через “вторые руки”. “Поэтому теперь *необходимо истолковать им этот смысл в различных формулах легитимации* (курсив мой. — И.П.). Они должны быть последовательными и исчерпывающими в терминах институционального порядка, чтобы стать убедительными для нового поколения” [10, с. 103].

П.Бергер и Т.Лукман выделяют четыре уровня легитимации. Первый уровень (“зарождающаяся легитимация”) — это фундаментальные объяснения, встроенные в словарный запас и осваиваемые ребенком. К этому уровню относятся все простые утверждения типа “так уж устроены вещи”. Это уровень “дотеоретический”, носящий характер “самоочевидного знания”. Второй уровень в зачаточной форме содержит теоретические утверждения, носящие характер различных объяснительных схем, которые “весьма прагматичны, непосредственно связаны с конкретными действиями” [10, с. 155]. К таким “схемам” относятся пословицы, моральные максимы, сказки, легенды. На третьем уровне легитимация выходит за пределы практического применения и становится “чистой теорией”. Из-за сложности и специализации данных легитимаций “они зачастую поручаются специальному персоналу, который передает их с помощью формализованных процедур посвящения” [10, с. 155]. Четвертый уровень легитимации — это символические универсумы, которые имеют отношение к реальностям, отличным от реальностей повседневной жизни. “Нетрудно заметить, — пишут Бергер

¹ В примечании к одному из разделов своей книги “Социальное конструирование реальности” П.Бергер и Т.Лукман пишут следующее: “Термин “легитимация” взят у Вебера, который разрабатывал это понятие в контексте собственной политической социологии. Здесь ему придается более широкое значение” [10, с. 314].

и Лукман, — что символическая сфера связана с самым всесторонним уровнем легитимации и что эта сфера выходит за пределы практического применения раз и навсегда” [10, с. 157]. Следует заметить также, что этот уровень (апеллирование к высшим ценностям, которые не могут быть верифицированы в практическом опыте) — характерная особенность любой идеологии. Те или иные символические универсумы осознанно или неосознанно берутся на вооружение при ее конструировании. Осуществляя функцию интеграции *всех* разрозненных институциональных процессов, они легитимируют и отдельные институты благодаря их включенности во всеобъемлющий смысловой мир. “Например, политический порядок, — пишут Бергер и Лукман, — легитимируется благодаря его соотносению с космическим порядком власти и справедливости, а политические роли легитимируются в качестве репрезентаций этих космических принципов” [10, с. 169].

Разумеется, выбор символических универсумов, которые используются в тех или иных условиях для легитимации институционального порядка вообще и политического в частности, определяется многими обстоятельствами. В современном мире, очевидно, сложно было бы легитимировать тот или иной политический порядок, обращаясь к устройству космоса. Однако в качестве такого символического универсума, своеобразной максимы может выступать универсальная теория человека, его прав и свободы. В качестве примера можно привести “Декларацию прав человека”, принятую Генеральной Ассамблеей в 1949 году, где свобода трактуется предельно широко, без учета плюрализма культур. Л.Ионин, давая оценку Декларации, называет ее “европоцентристской”. Он считает также, что разумнее было бы (с точки зрения интересов мирового сообщества) принять положения, сформулированные в “Меморандуме о правах человека”, предложенные Американским антропологическим обществом и отвергнутые Генеральной Ассамблеей. В основе предложенной меморандумом концепции представление о том, что стандарты и ценности соотносительны с определенными культурами и что “человек свободен только тогда, когда может жить согласно пониманию свободы, принятому в его стране” [11, с. 42]. Нельзя не согласиться, что сформулированное в Декларации положение о свободе “ограничивает применимость соответствующей декларации прав человека к человечеству в целом” [11, с. 41]. Однако нельзя не видеть и того, что эта универсализация “вдохновлена” совершенно определенным стремлением легитимировать мировую политику вмешательства “мирового сообщества” — лидерство в котором принадлежит определенным государствам — во внутренние дела других государств.

Солидаризируясь с концепцией легитимации, предлагаемой Бергером и Лукманом, целесообразно принять во внимание также ряд интересных соображений, которые присутствуют в их рассуждениях о легитимации. Хотя легитимация направлена на то, чтобы придать институциональному порядку ценностно-нормативный характер, сформировать представление о его ценности, она, как считают Бергер и Лукман, содержит в себе не только “ценности”, но и “знание”. “Легитимация говорит индивиду не только почему он *должен* совершать то или иное действие, но и почему вещи *являются* такими, каковы они есть. Иначе говоря, “знание” предшествует “ценностям” в легитимации институтов” [10, с. 154]. Легитимация в современном обществе, несмотря на его известную плюралистичность, выполняет функ-

цию поддержания солидарности, сосуществования частных универсумов, “находящихся в состоянии взаимного приспособления”. При этом предполагается, что “в обществе есть некий центральный универсум, считающийся само собой разумеющимся в качестве такового” [10, с. 203]. Особый интерес представляет положение о том, что для определения реальности больше шансов у тех, на чьей стороне больше силы. “Исход противостояния, — пишут Бергер и Лукман, — больше зависит от власти, чем от теоретической изощренности аргументации тех, кто занят соответствующей легитимацией... Исторический исход каждого столкновения определялся теми, кто лучше владел оружием, чем аргументами” [10, с. 178].

Наибольший интерес и эвристическое значение имеет соотнесение проблемы легитимации с характеристикой различных форм социализации, которое содержится в работе П.Бергера и Т.Лукмана. Понимая под социализацией “вестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир или в отдельную его часть” [10, с. 212] и выделяя различные ее (социализации) формы — первичную, вторичную и ресоциализацию, Бергер и Лукман подчеркивают, что каждой из них присущи свои особенности и механизмы, определяющие характер и степень интернализации норм и ценностей. Эти особенности как раз и следует учитывать при изучении процессов легитимации и попытках оценить принятые в обществе способы ее осуществления, и в частности официальные формулы легитимности, используемые властными структурами.

Так, первичная социализация сопряжена с большой эмоциональной нагрузкой, идентификацией со значимыми другими, необходимостью авторитетности лиц, передающих ценности. Мир, который интернализирован в процессе первичной социализации, “гораздо прочнее укоренен в сознании, чем миры, интернализируемые в процессе вторичной социализации” [10, с. 219]. Последняя не предполагает такой эмоциональной включенности и отождествления себя с “авторитетом”. Усвоение официальных норм (“новых”, с которыми субъект не имел дела в первичной социализации) в процессе вторичной социализации может носить чисто ритуальный характер в сочетании с отчужденностью и легально-рациональной мотивацией. “Поэтому акцент реальности знания, которое интернализуется в процессе вторичной социализации, гораздо легче не принимать в расчет (то есть субъективное ощущение того, что эти интернализации реальны, менее устойчиво)” [10, с. 232]. Вторичная социализация определяется предшествующим опытом, обуславливается уже сформировавшимся Я и интернализованным миром. Но такой вид социализации характерен для условий “социальной рутины”, отсутствия значимых трансформаций на уровне личности и общества, радикальных изменений, предполагающих переоценку ценностей.

“Социальной рутине” периода застоя, например, соответствовали и определенные программы социализации, порождавшие цинизм и лицемерие и сознательно использовавшиеся для поддержания стабильности. В статье С.Солника, о которой речь шла выше, обращается внимание на то, что “политическая система при Брежневле никогда не требовала большего, чем ритуального подтверждения лояльности и отсутствия прямого вызова, поскольку и руководители и обычные люди были заняты “неофициальной деятельностью” в “частной” жизни, включая полузаконные махинации и должностные преступления” [3, с. 61]. Главное же состоит в том, что в

данном случае *легитимация системы фактически отсутствует и что такое состояние создает предпосылки для кризиса*, который “может возникнуть, когда гласность в печати начнет рушить барьеры между обычным прагматическим “менталитетом” частной жизни и “мифическим менталитетом”, создавая некий мировоззренческий диссонанс внутри личности” [3, с. 62]¹. Добавим также, что указанная формула социализации может использоваться и в других условиях (например, в условиях современной трансформации). Но она будет “действена” (будет способствовать поддержанию относительной стабильности при фактическом отсутствии легитимации) только для тех групп, которые находятся в процессе вторичной социализации. В настоящее время, например, такие группы вероятнее всего образуют то поколение, первичная социализация которого проходила в “предперестроечный” период, характеризующийся тем самым прагматизмом частной жизни, о котором шла речь. Прагматизм рыночной идеологии в этом случае не вызывает диссонанса мировоззрения и допускает формальное восприятие официоза и транслируемых способов легитимации.

Иначе воспринимаются такие “формулы” в тех группах, которым необходимо осуществить переоценку ценностей. В этих случаях происходит ресоциализация, характерная для кризисных периодов, сопровождающихся резкой сменой систем ценностей. Такая социализация (Бергер и Лукман называют ее альтернативой) предполагает реконструирование социального мира заново. Связь с прошлым миром, сконструированным в процессе первичной социализации, как бы прерывается. Однако реконструкция осуществляется по законам первичной социализации: она требует эмоциональной включенности, авторитетности источника, транслирующего новые ценности, идентификации с данным авторитетом. Причем эти механизмы действуют на протяжении всего периода трансформации ценностей. “Наиболее важным концептуальным условием альтернативы, — пишут Бергер и Лукман, — является наличие аппарата легитимации для всего хода трансформации. Легитимироваться должна не только новая реальность, но и те стадии, с помощью которых она достигается и поддерживается, равно как и стадии покидания или отвержения альтернативных реальностей” [10, с. 258]. Поэтому для групп “ресоциализирующихся” эффективными оказываются другие формулы легитимации. *При отсутствии явного авторитета-лидера и эмоционально переживаемой консолидирующей идеи в основу формулы легитимации может быть положена идея необходимости сдерживания страха перед хаосом и разрушением.* “Все общества конструируются перед лицом хаоса. Постоянно существующая возможность аномического ужаса актуализируется, когда легитимации, сдерживающие опасность, находятся под угрозой или разрушены” [10, с. 169]. С нашей точки зрения, именно это чувство страха перед нестабильностью и хаосом эксплуатировалось в избирательных технологиях, применявшихся командой действующего Президента Украины в избирательной кампании 1999 года. Особенно

¹ Характеризуя таким образом программу (формулу) социализации и состояние легитимации в период застоя, С.Солник ссылается на работу В.Шляпентоха (*Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia.* — New York, 1989).

определенно это проявилось во втором туре выборов: соперник-коммунист олицетворял “возврат к прошлому”, которое, в свою очередь, отождествлялось с насилием и репрессиями, послеоктябрьской разрухой и кровопролитием гражданской войны. Вообще серьезное изучение символов, используемых в политической и, в частности, предвыборной агитации, даст возможность глубже понять природу средств, способствующих легитимации либо делегитимации, и прольет свет на происходящие на постсоветском пространстве процессы.

Следует согласиться, например, со следующим заключением Е.Головахи, сделанным на основании результатов многих опросов, проводимых в Украине: “...между формальной легальностью власти и ее реальной легитимностью нередко лежит глубокая пропасть, на одном краю которой оказывается законно избранная власть, а на другом — избравший ее народ” [12, с. 71]. Характеризуя политическую ситуацию на момент 1997 года и приводя различные данные, свидетельствующие о нелегитимности политической власти в Украине [12, с. 71–87], Е.Головаха все же делает вывод, что Украине не угрожает взрыв социального протеста, связанного с противоборством политических элит и массовыми волнениями. Хотя “конфликт легальности и легитимности демократически избранной власти, — по его мнению, — вполне может закончиться легальным отказом народа от демократии в пользу авторитарного режима” [12, с. 72]. Признавая, что такая возможность для Украины вполне реальна (причем в 2000 году еще более реальна, чем в 1997 году), целесообразно, однако, добавить, что ответственность за такой “выбор” следует возлагать не на народ Украины, а на политическую “эли́ту”, создающую все необходимые условия для “отказа от демократии”. Как показал последующий опыт, при отсутствии легитимности политической власти в Украине не только не произошло взрыва социального протеста, но народ Украины даже подтвердил правомочие прежнего президента в выборах 1999 года. Думается, что решающую роль в данном случае сыграло не возрастание доверия к президенту, а отсутствие сильной оппозиции (не было значимого противоборства элит) и приемлемой для населения альтернативы.

Важной проблемой, которая не исследуется сколько-нибудь систематически и всесторонне, является проблема взаимоотношения ценностных ориентаций и предпочтений представителей властных структур и населения. *Выявление данных ориентаций и установление степени соответствия между ними является одной из важных задач социологического изучения легитимности.* При этом целесообразно прежде всего выделить наиболее значимые блоки, характеризующие жизненно важные ориентации. Так, американские исследователи, изучавшие “степень однородности предпочтений” и “идеологическую согласованность” политической элиты и “простых граждан” на постсоветском пространстве спустя 6 месяцев после развала Союза, выделили четыре блока: отношение к политическому реформированию и отдельно — к демократическим принципам, к экономическим реформам, к этническим проблемам. В результате исследования они, в частности, сделали вывод, что ориентации российской элиты и населения в большей степени согласованы, чем идеологические ориентиры населения Украины и ее элиты [13, с. 14]. Но неожиданным для них оказалось следующее заключение: в ориентациях населения и элиты в Украине и России наблюдалось большее соответствие, чем в ориентациях “простых граждан “

и политической элиты в таких демократических странах, как США, Франция и Швеция [13, с. 19]. Относительное соответствие ориентаций (если иметь в виду указанные блоки) сохранялось и в последующие годы, как об этом свидетельствуют опросы, проводимые на постсоветском пространстве. При этом, как и в 1992 году, в ориентациях политической элиты, как правило, в большей степени, чем у населения, выражены “прорыночные”, “продемократические”, “радикально-политические” настроения. Однако доля населения, для которого характерны данные ориентации, уменьшается, тогда как среди представителей элиты она сравнительно стабильна.

Относительная согласованность фиксируемых в опросах ориентаций, с одной стороны, и выражаемое населением недоверие — с другой, явно не соответствуют друг другу, что требует объяснения. Анализ указанного выше противоречия предполагает учет следующего обстоятельства, о котором уже шла речь: проблема легитимации традиционно ставится и решается как относящаяся к сфере идеологии, как *проблема согласования идей*. Обеспечение легитимации связывается с информационным воздействием, со способностью властных структур транслировать “усвояемые” массовым сознанием идеи, умением убедить, внести в повседневное сознание желаемые смыслы. Особую роль в соответствии с этим придают средства массовой коммуникации и контролю над ними, использованию различного рода технологий, обеспечивающих эффективность внесения идей, “толкование” и “перетолкование” смыслов.

Нельзя сказать, что все это незначимо для легитимации. Отнюдь. В самое последнее время мы становимся свидетелями того, что умелое “информирование” и тщательно разработанные социальные технологии внушения творят чудеса и меняют полюса общественного мнения. Вопрос лишь в том, может ли *только это* дать долговременный эффект и сформировать устойчивую легитимацию политической власти? Каковы последствия того, что транслируемые идеи не соответствуют формирующимся на базе повседневного опыта, реальных жизненных условий и практической деятельности интересам населения? Ведь практическая деятельность и реальные условия существенным образом корректируют восприятие тех или иных идей. Даже символические универсумы, используемые при легитимации, как считают, например, П.Бергер и Т.Лукман, обусловлены в конечном счете этой деятельностью. “Следует подчеркнуть, — пишут они, — что концептуальные механизмы поддержания универсума сами являются продуктами социальной деятельности, подобно всем формам легитимации, и очень редко их можно понять независимо от деятельности рассматриваемой общности” [10, с. 178].

Такие способы легитимации, формирующие иллюзии и “ложные” (не связанные с интересами основной массы населения) предпочтения, дают лишь кратковременный эффект и обуславливают последующее недоверие, которое в определенных условиях превращается в открытую конфронтацию. Даже при отсутствии последней ситуация явного либо скрытого недоверия не способствует консолидации, необходимой для осуществления реформирования. А тот факт, что при таком (назовем его “искусственным”) способе формирования легитимности “признание” очень быстро сменяется недоверием, достаточно определенно обнаруживается в эмпирических исследованиях. Так, Е.Головаха, ссылаясь на данные репрезентативных опро-

сов в Украине, обращает внимание на всплеск “доверия” в период парламентских и президентских выборов и “разочарования”, которое обнаруживается в последующие годы: уже в следующем году после выборов значительное число электората отвечает, что не избрало бы своего депутата, а во второй год президентства оценивают президента значительно ниже, чем в первый. Даже институт многопартийности по мере удаления от года его введения оценивается все ниже. Так, если в 1991 его оценивали положительно 61% опрошенного населения Украины, то в 1996 году эта цифра сократилась до 32% [12, с. 82]. И определяющую роль в данном случае, как и во всех других, о которых речь шла выше, играет *практика функционирования политического института и те реальные интересы, которые определяют характер данной практики.*

Таким образом, есть основания утверждать, что существенным фактором легитимации представителей политической власти является их *способность соотносить свои интересы с интересами населения, а также удовлетворять последние в тех пределах, в которых это возможно в данных конкретных условиях.* При этом следует иметь в виду, что между вербально выраженными ориентациями и интересами (и населения, и политической “элиты”) возможны большие или меньшие расхождения. Данная проблема формулируется и осмысливается в последние десятилетия в литературе, посвященной анализу природы власти и определению специфики властных отношений. Особый интерес в этом плане представляет работа Стивена Льюкса “Власть: Радикальный взгляд” (*Lukes S. Power: A Radical View.* — Basingstoke; London, 1974), относительно подробный анализ которой осуществлен В.Ледяевым [14].

По мнению С.Льюкса, основой власти является не “конфликт преференций”, а “конфликт интересов”. Интерес может неадекватно выражаться в “преференциях” (намерениях, целях). Учитывая это, следует признать, что объект власти, как считает Льюкс, может действовать в соответствии со своими намерениями, но вопреки своим реальным (объективным) интересам, если они не осознаны. Субъективные предпочтения связаны с интересами и являются их выражением. Тем не менее *игнорирование различий между интересами и идеалами и стремление выдать интересы за идеалы приводит к идейному оправданию элитизма, авангардизма, патернализма, тирании и пр.* В.Ледяев цитирует также чрезвычайно актуальные для понимания постсоветских политических систем соображения С.Льюкса о том, что “высшая и наиболее коварная форма осуществления власти — это предотвращение в той или иной степени возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и преференций, которые обеспечили бы принятие людьми своих ролей в существующем порядке вещей — или в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку, или потому что считают его божественно предопределенным или выгодным” [14, с. 115]. В данном случае между субъектом и объектом власти, как комментирует это положение Ледяев, нет “конфликта преференций”, а есть “конфликт интересов”.

Проблема легитимности, таким образом, выходит за пределы соотношения идей и ценностей, “специализированной” и “повседневной идеологий” и переводится в плоскость практической деятельности и реальных интересов. Фактически такой социологический подход к проблеме легитимности

обусловлен определенной методологической стратегией, в которой принципиальное значение придается возможности рассогласования идей и интересов, вербального и фактического поведения, признанию двойственности человеческого жизненного опыта. Данная стратегия, используемая при анализе ряда социологических проблем [15, с. 44–75], может оказаться полезной и при исследовании легитимности. Легитимность политической системы при таком подходе означает *согласование интересов политического руководства (“элиты”) и населения, выражающихся в вербально оформленных целях и предпочтениях относительно адекватно либо искаженно*. Результатом такого согласования является та или иная степень одобрения населением действий руководства, определенный уровень престижа и признания (непризнания) последнего. Указанный результат существенным образом обусловлен трансляцией идей, способами воздействия на те “смыслы”, которые усваиваются повседневным сознанием и формируют сознательные предпочтения. “Успех” легитимации, понимаемой как производная соотношения не только “преференций”, но и интересов, обусловлен тем, какой характер легитимность приобретает в результате всех этих взаимодействий: какова степень ее устойчивости, внутренней обусловленности и последовательности. Предполагается, в частности, что успех легитимации определяется в значительной степени тем, в какой степени официальные формулы легитимности и используемые схемы интерпретации адекватны различным формам социализации в данном обществе. *Характер легитимности, определяемый в конечном счете соотношением интересов основной массы населения и интересов правящей элиты, способностью последней в своей деятельности руководствоваться общественными интересами, как раз и должен быть в поле зрения социолога.*

Социологическое исследование легитимности предполагает изучение именно “эмпирической” (в терминологии М.Вебера) легитимности, понимаемой как “фактическая значимость для людей установленного порядка” и характеризующейся многообразными проявлениями в их представлениях и поведении. “Фактическая значимость” обнаруживается в реальной практике людей, в их повседневной жизнедеятельности. Она в конечном счете и определяет *характер и степень легитимности* различных структур власти, находящихся в поле зрения социолога. “Нет ни одной страны в мире, где бы все население считало существующий режим полностью легитимным, — пишет французский социолог М.Доган. — Уровень легитимности определяется по степеням. Распределить режимы на воображаемой оси по возрастанию степени легитимности от ее минимума к максимуму — задача весьма полезная для сравнительного анализа политических систем” [16, с. 150]. Не менее важная задача — определение *характера* легитимности. Доган считает, например, что необходимо проводить “четкое различие между понятиями: легитимность режима, доверие к его институтам и популярность правителей” [16, с. 154]. Однако те эмпирические референты, которые он предлагает для верификации данных понятий, вряд ли являются удачными, и эмпирическое обоснование такого разграничения нельзя признать достаточно определенным. Впрочем, реальная проблема состоит в различении легитимности самого институционального, нормативного порядка и легитимности представителей власти, призванных в своей деятельности реализовывать соответствующие этому порядку нормы. Эта проблема, как уже

отмечалось, была сформулирована еще Вебером (как проблема различия “нормативной” и “эмпирической” легитимности).

Есть, разумеется, грань, отделяющая одно от другого. Однако абсолютизировать это различие было бы неправильно, ибо недоверие к деятельности представителей власти перерастает в недоверие к самой структуре власти, к политической системе в целом. Особо важное значение в данном случае имеет фиксирование соответствующей тенденции, рассмотрение динамики легитимности. Обратимся, например, к данным, свидетельствующим об отношении населения к институту представительной демократии. Важным признаком, характеризующим это отношение, является отношение людей к тому, насколько честно проводятся выборы, не допускается ли фальсификаций. Как свидетельствуют результаты опросов, проводившихся в Одесской области, уровень доверия к данному институту за период с 1989 по 1998 год не повысился, а напротив, понизился (см. табл.)¹.

Таблица

Мнения респондентов относительно легитимности выборов, %

Считаете ли Вы, что выборы пройдут честно, без подтасовок, без нарушения закона	1989*	1994**	1998***
Да	41	5	8
Нет	27	30	64

* Выборы в Верховный Совет УРСР.

** Выборы Президента Украины, Председателя и депутатов областного, городского и районных советов.

*** Выборы в Верховную Раду Украины. Вопрос о честности был объединен с оценкой: “Получат ли люди (такие как Вы) возможность хоть как-то повлиять на судьбу страны?”.

В 1989 году по одной и той же анкете, наряду с населением области, опрашивались участники городского митинга и эксперты (партийно-советские работники). Те и другие оказались значительно большими скептиками, чем опрошенное население. Среди первых (митингующих) было 74% сомневающих в честности выборов, среди вторых (экспертов) — 66%. Областной опрос, проведенный после выборов (в мае 1990 года) показал, что доля сомневающих в честности выборов среди опрошенного населения достаточно стабильна: их было практически столько же, сколько и перед выборами — 26% (в Одессе — 33%, в районных центрах и ППТ — 23%, в сельской местности — 19%). Эти данные весьма интересны, если учесть, что

¹ Опросы, данные которых приводятся, репрезентативны для взрослого населения Одесской области. В декабре 1989 года опрос проводился социологической группой Одесского университета (научный руководитель — д-р филос. наук, профессор И.М.Попова; ответственный исполнитель — канд. филос. наук В.Б.Моин), N = 982, ошибка выборки не превышает 2%. Опрос в 1994 году был проведен Информационно-исследовательским социологическим центром “Пульс” (А.В. Варламов, М.Б.Кунявский), N = 1100, ошибка выборки — 3%. Данные 1998 года предоставлены “Фондом социальных исследований” (Е.В. Князева, А.В. Худенко), N = 971, ошибка выборки не превышает 4%. Контрольные признаки по всем массивам — пол, возраст, место жительства.

указанное десятилетие квалифицируют как *переход от советского тоталитарного общества к обществу демократическому*, в котором граждане имеют возможность принимать реальное участие в формировании властных органов, оказывать влияние на их состав. Следует напомнить также, что именно 1989 год являлся периодом значительной политической активности и временем политического кризиса, кризиса легитимности политической власти. Возникает, однако, вопрос, как интерпретировать это нарастание скепсиса в период с 1989 по 1998 год: как углубление кризиса политического режима (какого?) или как свидетельство непопулярности конкретных представителей власти, призванных создать условия для честных выборов?

Теперешние реалии нашей политической жизни также свидетельствуют об актуальности многих размышлений по поводу веберовского понимания легитимности. Взять хотя бы результаты последних президентских выборов в Украине. Учтя, что не менее половины населения не уверены, что выборы проводятся честно, без фальсификаций, можно ли считать результаты выборов легитимными? Точнее, если мы признаем их легитимность, то какой смысл при этом вкладываем в данное понятие? Можно ли вообще говорить о доверии к институту представительной власти, если последний предполагает использование процедур, допускающих фальсификацию, либо не препятствует проникновению на вершину власти людей, не пользующихся авторитетом у населения? Аналогичные вопросы можно задать, анализируя отношение населения к многопартийности, а также к приватизации, которая является, несомненно, не только экономической, но и политической акцией. Непопулярность практически всех политических партий в Украине [см., напр.: 17, с. 45] приводит к нарастанию отрицательного отношения к институту многопартийности (о чем свидетельствуют данные, приводимые выше), а недовольство способами проведения приватизации в конечном счете может сформировать отрицательное отношение к самому этому институту.

Еще один важный момент, свидетельствующий о *разнокачественности* легитимности и обозначенный М.Вебером в терминах “внутреннего” или “внешнего” ее гарантирования, следует также держать в поле зрения. Отсутствие явного кризиса легитимности, открытого выражения недоверия к власти не свидетельствует о “внутреннем” доверии к ней, вере в ее относительную справедливость, в соответствие интересов представителей власти интересам народа, в способность власти представлять и защищать общественные интересы. А именно такое, обусловленное “этическими” критериями доверие характеризует (если использовать терминологию Вебера) легитимность как *общественное согласие*¹. Последнее достигается посредством *ценностно-рациональных* гарантий, проявляющихся как вера населения в значимость установленного порядка, представление о нем как соответствующем определенным, разделяемым населением ценностям. Готовность же терпеть власть либо предпочтение, выраженное на выборах, — это

¹ Напомню, что к внешним гарантиям легитимности М.Вебер относит не только правовые гарантии, но и “условные” (моральные), отличая последние от этических, как внутренних (по аналогии с различием морали и нравственности). И любые “внешние” оказываются менее эффективными и устойчивыми.

иное. Оно (предпочтение) может характеризовать вынужденность, осознание отсутствия альтернатив. Ранее обращалось внимание на неустойчивость такого политического состояния, ибо как только появляются альтернативы и надежды на изменение состояния, терпение иссякает и недовольство проявляется в кризисе легитимности, который означает открытое недовольство существующей властью.

Важное значение при исследовании легитимности политической власти имеет признание того, что “легитимность режима во многом определяется его экономической эффективностью” [16, с. 154]. На это обстоятельство указывают и украинские социологи, формулирующие проблемы статусной легитимации политических и хозяйственных элит Украины. Обращая внимание на факт зависимости легитимности политического режима от “меры его эффективности”, они считают, что мера эта “в обыденном сознании рядового гражданина воспринимается как экономическое развитие страны и собственный жизненный уровень” [16, с. 12]. Однако используемые представления и эмпирические данные свидетельствуют о том, что речь идет, скорее, о *социальной эффективности* правящего режима, определяемой тем, какая *социальная политика* проводится властными структурами. Социальная же эффективность, характеризуемая не только жизненным уровнем трудоспособного и нетрудоспособного населения, но и возможностью реализовать свои знания и умения, проявить себя в деятельности, иметь доступ к многообразным современным благам и услугам — все это, в конечном счете, формирует так называемое “социальное самочувствие”, которое является решающим фактором “внутренней” легитимации. Экономическая эффективность — необходимое, но не достаточное условие эффективности социальной. Выяснение влияния последней на характер легитимации предполагает также наличие информации о том, связывает ли население изменение своего социального положения с деятельностью властных структур. Ведь возможны, например, и другие “объяснения” ухудшения социальной ситуации в нашей стране: “таково время”, “виноваты мы сами”, “с нашим менталитетом ничего не сделать”, “всякие радикальные изменения предполагают период ухудшения” и т.п. Однако, как свидетельствуют данные многих опросов, ухудшение социальной ситуации в стране люди, как правило, связывают именно с качеством политического и хозяйственного управления, с тем, что *правящая элита преследует свои эгоистические цели и задачи, не принимает во внимание интересы основных масс населения, вообще игнорирует какие бы то ни было интересы общественные (если, разумеется, к последним не относить интересы корпоративные или клановые)*.

Такого рода позиция, при которой ответственность за “личные неудачи” переносится на государство и всяческое “руководство”, рассматривают как проявление “иждивенчества” и свидетельство популярности патерналистского государства. “Иждивенчеству” придают характер социально-культурного стереотипа, обуславливающего особенности постсоветского менталитета и препятствующего рыночному реформированию на постсоветском пространстве. Однако серьезной проблемой, требующей социологического осмысления, является спецификация патерналистского и “социального” государства. В литературе последнего десятилетия эта проблема обсуждается как проблема отличия последнего от “государства благоденствия”. Как

пишет В.Гутник, “...социальное государство”, в отличие от “государства всеобщего благоденствия”, стремится не к максимально возможному перераспределению доходов и имущества, а в первую очередь проводит такую социальную политику, которая ликвидирует правовые, административные и экономические барьеры, препятствующие реализации способностей личности, а также формирует благоприятствующие этому институты. И только в виде дополняющей меры осуществляется минимально необходимое перераспределение доходов и собственности” [18, с. 16]. Социальное государство, в рамках которого, наряду с действием рыночных механизмов, реализуются определенные социальные цели, — реальность ряда капиталистических стран. Для Украины — это всего лишь конституционный принцип, от осуществления которого она все более и более удаляется. Представление населения об ответственности властных структур за проводимую социальную политику как и за обеспечение элементарной безопасности и порядка — вполне здравая позиция, отнюдь не свидетельствующая об иждивенчестве и приверженности патернализму.

Оценка “отечественного менталитета”, “повинного” в *характере* и *степени* легитимности политической власти, осуществляющей либеральные реформы (либо провозгласившей либеральное реформирование), обусловлена также следующим: какова позиция социолога относительно того, что собой представляют либеральные ценности и как он, соответственно, характеризует отношение к ним основной массы населения. Суть этой позиции определяется, в частности, интерпретацией таких понятий, как “социальная справедливость” и “равенство”, с одной стороны, и понятия “свободы” — с другой. Известно, например, что либеральные ценности за последнее столетие претерпели существенное изменение, прежде всего состоявшее в сближении ценности “свобода” с такими ценностями, как “социальная справедливость” и “равенство”. Например, А.Печчеи в своей известной книге “Человеческие качества” пишет, что “старый гуманизм” был заменен “новым гуманизмом”, который означает ограничение “гуманистического индивидуализма” и “признание приоритета справедливости по отношению к свободе” [19, с. 214]. Известно также, что понятие “свобода” наполняется разным смыслом в различных социокультурных условиях и что на передний план могут выдвигаться те из ее аспектов, что характеризуют общественную безопасность и порядок. Не менее важно также учитывать тот конкретно-исторический контекст, в котором формируются и утверждаются либеральные институты общества. Решая проблему легитимации политических институтов реформируемого общества, декларирующего приверженность западному либерализму, целесообразно учитывать, в частности, что соответствующие ему институты утверждались “до рождения социальных программ, поддержка которых требует государственного перераспределения существенной части национального дохода”. Тогда как на постсоветском пространстве “переход к рыночной экономике осуществляется в условиях огромного груза социальных обязательств государства, доставшихся ему в наследство от предыдущего режима” [20, с. 43]. Основной массой населения изменение широкого спектра жизненных обстоятельств воспринимается как *ухудшение*, что имеет особое значение для социального самочувствия и является, в данном случае, решающим фактором, обуслов-

ливающим оценку населением существующих политических институтов власти.

Итак, социологическое исследование легитимности и легитимации предполагает фиксирование и сопоставление многообразных данных, характеризующих широкий социальный, идеологический и политический контекст, в котором происходит процесс легитимации и осуществляется практическая деятельность, обусловленная интересами населения и правящей элиты.

Литература

1. *Кутуев П.* Избирательное сродство в социологии М.Вебера // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 3. — С. 136–148.
2. *Клюенко Э.* Измерение потенциала протеста и социальной напряженности: применение методических подходов Лайкерта и Терстоуна для конструирования интегральных количественных показателей // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 3. — С. 89–100.
3. *Солник С.* Истоки и следствия нового конфликта “отцов и детей” // Социологические исследования. — 1992. — № 6. — С. 54–63.
4. *Weber M.* Domination and Legitimacy // German Sociology. — New York, 1998. — P. 24–37.
5. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. — Казань, 1997. — С. 406.
6. *Давыдов Ю.Н.* Легитимность // Современная западная социология. Словарь. — М., 1990. — С. 156–157.
7. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990.
8. *Ritzer G.* Contemporary Sociological Theory. — S.l., 1992. — P. 608.
9. *Mills C. Wright.* Power. Politics and People. — New York, 1965. — P. 657.
10. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. — М., 1995.
11. *Ионин Л.* Свобода в СССР. — СПб., 1997. — С. 368.
12. *Головаха Е.* Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине. — К., 1996.
13. *Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M.* Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine // Public Opinion Quarterly. — 1995. — Vol. 59. — P. 12–39.
14. *Ледяев В.* Понятие власти // Социологический журнал. — 1996. — № 3/4. — С. 109–125.
15. *Попова И.М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. — К., 2000. — С. 217.
16. *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. — 1994. — № 6. — С. 147–156.
17. *Петров О., Полтораки В.* Проблемы стратегического планирования президентской избирательной кампании // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 3. — С. 41–62.
18. *Гутнов В.П.* Социальное государство: тупик или возможность обновления // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. — М., 1998. — С. 15–23.
19. *Печчи А.* Человеческие качества. — М., 1980. — С. 302.
20. *Фенько А.Б.* Образ свободы в российском сознании и перспективы формирования российского общества // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. — М., 1999. — Вып. 11. — С. 33–45.